

КРИНКО Е.Ф.

КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1941-1945 гг.¹

Статья посвящена карточной системе в СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривает основные виды карточек и механизм централизованного снабжения, оценивает обоснованность системы регламентированного потребления населения.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для советской экономики. С начала войны продовольственные возможности СССР резко ухудшились. Из западных областей не удалось вывезти значительную часть (более 70%) мобилизационных запасов. В 1941-1942 гг. страна лишилась почти половины посевных площадей. До войны в оккупированных районах производилось 84% сахара и 38% зерна [1]. К тому же на фронт была мобилизована большая часть трудоспособного мужского населения и техники села. Все это вело к сокращению урожая сельскохозяйственных культур. В 1942 г. валовой сбор зерна составил всего 38%, а 1943 г. - 37% от довоенного уровня. Напротив, потребности страны в продовольствии в связи с необходимостью содержать значительно увеличившиеся в численности Вооруженные силы, существенно возросли.

Практически с первых дней войны возникли очереди за хлебом, которого катастрофически перестало хватать вследствие увеличения военных поставок. Так, уже 28 июня 1941 г. выросли очереди в сотни человек у хлебных магазинов в Краснодаре - административном центре одной из главных житниц страны - Кубани [2]. В августе 1941 г. Сочинский горком ВКП(б) сообщал, что в городе ежедневно 2,5-3 тыс. чел. не достается хлеба: *“Это порождает огромные очереди, которые выстраиваются с 3-4 часов утра, и вызывает ухудшение политико-морального настроения населения”*. Аналогичная ситуация складывалась и в других местах. Секретарь Кропоткинского райкома ВКП(б) и председатель райисполкома докладывали руководству Краснодарского края о том, что в местах торговли хлебом скапливаются огромные очереди от 600 до 1 тыс. чел., *“которые получают возможность купить хлеб только через двое-трое суток; среди покупателей хлеба в очередях постоянные скандалы; к руководителям города и района ежедневно поток жалобщиков по вопросу хлеба, особенно семей призванных в РККА, главным образом многодетных”* [3].

К тому же многие советские граждане, хорошо помня о пережитых невзгодах, спешили запастись продуктами и товарами первой необходимости. Как вспоминал этнограф В.И.Козлов, встретивший начало войны семнадцатилетним юношей, родители сразу послали его за солью и мылом, а сами *“заторопились в другой магазин купить что-то из текстиля на имеющиеся деньги”* [4]. Впрочем, цены на основные продовольственные и промышленные товары вскоре также стали расти, затрудняя создание запасов для значительной части граждан.

Только за первый месяц войны цены на муку выросли более чем на 20%, на молоко - на 25%. Особенно бурный рост цен начался со второй половины октября 1941 г., прежде всего в прифронтовой полосе и районах размещения эвакуированных предприятий. В ряде городов Поволжья и Урала он принял характер *“спекулятивного*

¹Статья подготовлена в рамках проекта “Великая Отечественная война в исторической памяти Юга России” Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности” на 2012-2014 гг.

взвинчивания” [5]. На рынках Куйбышева цена на 1 кг картофеля выросла с 3,5 руб. в конце октября 1941 г. до 10-12 руб. в начале января 1942 г., на 1 кг масла за тот же период с 40 руб. до 180 руб. В Казани в начале января 1942 г. 1 кг масла продавался на рынке по 150 руб., 1 кг мяса - по 45 руб., 1 л молока - по 20 руб., 10 яиц - по 40 руб. Попытки ограничить цены на сельскохозяйственные продукты приводили лишь к резкому сокращению привоза продуктов колхозами и колхозниками [6].

В результате советское руководство перешло к централизованному нормированному распределению. Следует отметить, что также поступили в годы Второй мировой войны и правительства большинства воевавших государств. Карточное распределение основных продовольственных товаров было введено в Германии, Великобритании, США, Канаде, Японии и многих других странах. В Советской России карточная система действовала практически с первых дней ее существования, была отменена в годы нэпа, вновь введена в условиях форсированной индустриализации и коллективизации и в очередной раз официально отменена в 1935 г. Однако в условиях постоянных кризисов снабжения второй половины 1930-годов карточки неоднократно вводились в отдельных регионах страны. Таким образом, советское руководство пошло по уже испытанному пути. В то же время само введение карточной системы в годы Великой Отечественной войны имело определенные особенности, объясняемые самой спецификой чрезвычайной ситуации военного времени и масштабом трудностей и задач в сфере потребления населения.

С 18 июля 1941 г. карточки на продовольственные и промышленные товары были введены в Москве, Ленинграде и пригородах Московской и Ленинградской областей. В конце октября на нормированное снабжение продовольствием было переведено почти все городское население страны, а с 1 февраля 1942 г. установилась карточная система на непродовольственные товары. В 1942 г. карточки получили около 40 млн чел., к концу войны их численность составила, по разным данным, от 76,8 до 80,6 млн чел. Сама карточная система в течение всей войны постоянно усложнялась. В 1941 г. было напечатано 12 разных видов карточек, в 1942 г. - 51, в 1943 г. - 112, в 1944 г. - в среднем 130-135, а в крупных городах еще больше: в Москве - 149, в Ленинграде - 171 вид карточек и талонов [7].

Введение карточек позволило уменьшить очереди и упорядочить продажу хлеба. Однако карточки выдавались не всему населению, их получали только жители городов и рабочих поселков, а также работники предприятий тяжелой и оборонной промышленности и транспорта, находившихся в сельской местности и сельские специалисты, не связанные с сельским хозяйством (учителя, врачи, агрономы и другие). Остальные сельские жители карточек не получали, что вызывало их недовольство, особенно тех, которые работали на заводах и транспорте и считали, что ничем не отличаются от остальных рабочих. Так, кондуктора железнодорожной станции Тихорецк Кравцов и Борисенко заявили: *“Нас кормят, как гусят, почему нас отделяют от других рабочих, которые живут в городах?”*. Начальник кондукторского резерва, член ВКП(б) Агарков сказал, что этим разделением вызывается вражда между жителями города и станиц [8].

По нормам снабжения все население делилось на четыре группы: рабочие и приравненные к ним лица, служащие и приравненные к ним лица, иждивенцы, дети до 12 лет включительно. Рабочие, инженерно-технические работники и приравненные к ним лица обеспечивались хлебом по двум категориям. Работавшие на фабриках, заводах, шахтах, рудниках, приисках и стройках по карточкам 1-й категории получали 800 г хлеба, а работники подсобных и обслуживающих

предприятий по карточкам 2-й категории - 600 г хлеба в день. Служащие также обеспечивались хлебом по двум категориям: по первой - 500 г, по второй - 400 г в день. Иждивенцы и дети до 12 лет получали по 400 г хлеба.

В целях стимулирования производительности труда с мая 1942 г. рабочие, выполнявшие и перевыполнявшие нормы выработки, получали второе горячее питание. Дополнительное питание также выдавали железнодорожникам и плавсоставу морских и речных судов во время пребывания в пути. Повышенные нормы снабжения были установлены для рабочих и инженеров предприятий ведущих отраслей, перечень которых был закреплен постановлением СНК СССР от 4 декабря 1941 г. В основном это были предприятия авиационной, химической, танковой, угольной и нефтяной промышленности, электропромышленности, черной и цветной металлургии. Для руководящих советских и хозяйственных работников было введено второе горячее питание, обеды, сухие пайки, усиленное диетическое питание, карточки на ужины, бесплатные завтраки.

С осени 1942 г. администрация предприятий получила право снижать нормы питания недобросовестным работникам. Рабочим, совершившим прогул и по приговору отбывавшим наказание в порядке исправительно-трудовых работ, норма отпуска хлеба снижалась на 100-200 г. Но директора предприятий могли восстанавливать выдачу хлеба в полном объеме тем, кто в течение месяца добросовестно относился к работе и выполнял нормы выработки. При невыполнении норм выработки, опоздании и преждевременном уходе с работы на строительстве оборонительных рубежей день считался пропущенным и талоны на хлеб вообще не выдавались [9].

С 9 марта 1942 г. академикам и членам-корреспондентам, лауреатам Сталинской премии, заслуженным деятелям науки, техники и искусства, народным артистам СССР и союзных республик выдавались продовольственные карточки по норме рабочих особого списка и обеды из такого же набора продуктов, а также 300 г шоколада и 500 г какао или кофе в месяц. Профессорам, докторам наук, доцентам, заведующим кафедрами, старшим научным сотрудникам, директорам вузов и научно-исследовательских институтов, научным сотрудникам академий наук и архитектуры, докторантам - Сталинским стипендиатам, заслуженным артистам, артистам цирка и балета, членам союзов советских писателей, художников, архитекторов и композиторов выдавались продовольственные карточки по норме промышленных рабочих и обеды из такого же набора продуктов.

Дополнительно интеллигенции со 2 июля 1942 г. стали выдавать 200 г хлеба к обеду. Для работников науки, литературы и искусства во всех крупных городах были также организованы закрытые специальные магазины и столовые. Качество питания в них различалось, в зависимости от региона. По воспоминаниям известного советского историка-медиевиста Е.В.Гутновой, во время эвакуации в Томске в столовой Комитета по делам искусств, *“ежедневно давали суп с галушками или затируху, рыбные котлеты с тухлым картофельным пюре и чай, а вернее, по три чайных ложки желтого сахара на человека”*. В то же время мемуарист признается: *“Если бы не обеды из Комитета, хотя и отвратительные, мы бы совсем голодали”*. В Москве в 1943 г. ее муж, Э.А.Гутнов, *“как ответственный работник Комитета по делам искусств, стал получать паек, состоявший, в основном, из американских продуктов, поступавших по ленд-лизу, которые до нас в Сибири не доходили: колбасные консервы, яичный порошок (из него делали омлет), сало-шпиг, и ко всему этому - наша родная картошка, рассыпчатая и вкусная, мед и джем, хороший чай. Все это казалось нам невероятными деликатесами”* [10].

Особое внимание уделялось снабжению детских и лечебных учреждений, детей, беременных женщин и кормящих матерей. Для учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ действовало трехразовое питание. Во всех школах городов и в рабочих поселках были введены завтраки, для которых без карточек ежедневно, включая праздничные дни и дни каникул, отпускались 50 г хлеба, а в дни занятий 10 г сахара к чаю в день на каждого школьника.

Несмотря на предпринимавшиеся меры, значительная часть советского населения в годы войны вела полуголодное существование. Так, Чкаловское областное управление трудовых резервов докладывало в июне 1942 г., что рацион питания учащихся училищ и школ трудового резерва состоял в большинстве случаев *“из крупяных и мучных блюд: салма, галушки, каша манная, каша мучная. Витаминных продуктов весьма недостаточно, а во многих столовых совсем нет”*. Вследствие этого росло количество заболеваний учащихся цингой [11].

Даже снабжение хлебом городского населения осуществлялось с перебоями, в результате население вынуждено было часами стоять в очередях. В середине октября 1942 г. возникли перебои в торговле хлебом в Краснодаре, поскольку торговые организации *“расходуя хлеб для снабжения проходящих воинских частей, не приняли мер к увеличению вытечки хлеба”*. Ежедневно оставались не отоваренными карточки на 15 т хлеба, а у магазинов скапливались огромные очереди. Только после вмешательства уполномоченного Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) выпечка хлеба была увеличена, организована продажа муки по карточкам, а виновные руководители привлечены к ответственности [12]. В январе и феврале 1943 г. в Сочи населению не выдали по хлебным карточкам более 200 т хлеба вследствие отсутствия фондов [13].

Особенно остро продовольственный вопрос встал в блокадном Ленинграде. В первые дни блокады жители не ощущали серьезных перебоев со снабжением и запасали столько продуктов, сколько удавалось купить в магазинах. В то же время часть ленинградцев считала такие действия для себя постыдными. Когда жена председателя ленинградского отделения Союза писателей Б.Лихарева купила в магазине банку икры весом в 3 кг *“на всякий случай”*, муж заставил отдать ее в детский дом [14]. Но уже 15 сентября, когда стало ясно катастрофическое продовольственное положение города, нормы снабжения были снижены. В течение всей осени 1941 г. они еще несколько раз снижались, а в ноябре в городе начался настоящий голод.

Минимального уровня продовольственный паек достиг 20 ноября 1941 г., когда рабочим стали выдавать по 250 г хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет - по 125 г. При этом к муке примешивали отруби, солод, овес, шелуху и различные суррогаты (целлюлозу), составлявшие до 50% хлеба. Даже по этим нормам хлеба не всегда хватало, и в пищу использовалось все, что угодно. Ежедневно от голода умирало более 4 тыс. чел., а всего в декабре умерло 52 881 чел. В январе-феврале 1942 г. умерли еще 199 187 чел. [15]. В феврале 1942 г. за каннибализм было осуждено более 600 чел., а в марте - более 1 тыс. чел. [16]. К этому времени продовольственная ситуация стала немного улучшаться. С 25 декабря 1941 г. нормы снабжения постоянно увеличивались, а с 11 февраля 1942 г. составили 500 г хлеба для рабочих, 400 г - для служащих, 300 г - для иждивенцев и детей. Из хлеба почти исчезли примеси, а 16 февраля в городе впервые была даже выдана мороженая говядина и баранина.

Засуха 1943 г. усугубила трудности продовольственного снабжения в стране, вызвав необходимость экономии хлеба. Поэтому правительство в ноябре 1943 г. снизило нормы его выдачи до 600 г для 1-й и 500 г для 2-й категорий рабочих и ИТР, 700 г для рабочих в районах Крайнего Севера. Все служащие стали обеспечиваться

хлебом по единой норме - 400 г в день, иждивенцы и дети до 12 лет в городах и рабочих поселках - по 300 г в день. Однако для рабочих и служащих ведущих отраслей промышленности с 21 ноября 1943 г. были установлены более высокие нормы снабжения хлебом. Служащие угольной, оборонной промышленности и металлургии, железнодорожного и водного транспорта снабжались хлебом по норме 450 г в день, служащие черной металлургии - 500 г в день. Рабочим и ИТР угольной и металлургической промышленности, важнейших оборонных предприятий и решающих портов в 1943 г. была установлена норма хлеба 650-700 г в день. Рабочие и ИТР основных служб на решающих железнодорожных узлах и станциях снабжались хлебом по норме 650-700 г в день [17].

Самые высокие нормы основного снабжения продовольственными товарами были установлены для рабочих и ИТР, занятых на подземных работах предприятий угольной промышленности, в горячих и вредных цехах. Они получали по 1 кг хлеба в день. Кроме того, с июня 1943 г. в Кузбассе были установлены холодные завтраки (100-200 г хлеба, 30-50 г сала, 10 г сахара) для тех, кто обеспечивал выполнение плана добычи угля и руды. Впоследствии такие завтраки получили рабочие других угольных бассейнов, ряда предприятий черной и цветной металлургии. Для работавших в горячих и вредных цехах предприятий химической и оборонной промышленности, цветной металлургии и некоторых других отраслей правительство сохранило нормы снабжения хлебом по 800-1000 г в пределах лимита хлебных пайков по этим нормам. Дополнительно в дни работы им выдавалось специальное питание, включавшее белый хлеб, мясо, рыбу, крупу, сахар, овощи и картофель [18].

Важным дополнительным источником продуктов питания стало создание при предприятиях и учреждениях подсобных хозяйств, развитие огородничества [19]. Массовый характер приобрело использование в пищу различных заменителей и суррогатов, но и их не хватало. Так, секретарь райкома и председатель райисполкома Шапсугского района Краснодарского края весной 1943 г. писали: *“В районе для снабжения населения были использованы все возможные продовольственные ресурсы, в том числе каштан, сухофрукты и желудь, но этих продуктов также не хватило для снабжения основного контингента в половинной норме, без иждивенцев”*. Районные власти *“вынуждены были занимать муку, и в районе создалась задолженность воинским частям и хлебозаводу”* в 44 т муки [20]. Управление НКВД Алтайского края сообщало о том, что вследствие значительного недорода сельскохозяйственных продуктов в 1943 г. *“население ряда районов, и особенно Кулундинской степи, испытывает серьезные продовольственные затруднения”*. В документах отмечались случаи употребления в пищу падали, кошек и собак, дикорастущих трав и корней [21].

Промтоварные карточки выдавались на полугодие с определением количества условных единиц (купонов), в зависимости от отнесения к группе снабжения. Так, рабочие получали промтоварные карточки на 125 единиц, служащие - на 100, дети и иждивенцы - на 80. Количество купонов, подлежавших взиманию за каждую вещь, дополнительно устанавливалось приказами Наркомата торговли СССР. Например, в Краснодарском крае в марте 1943 г. за 1 купон можно было приобрести моток ниток, ложку, стакан или электрическую лампочку, за 5 купонов - *“головной убор для взрослых из шерсти, хлопчатобумажных тканей, фетра, кожи и меха”*. За чайник, кастрюлю, ведро, таз или корыто требовалось отдать уже 10 купонов, за 1 м столовой клеенки или гардинной тюли - 15 купонов, за керосиновую лампу, примус, самовар или керогаз - 20 купонов. Самыми дорогими в списке были мужские и женские шерстяные

костюмы, меховые пальто (полушубки) - по 80 купонов. Продажа табачных изделий производилась только курящим по талонам, выданным администрацией предприятия или учреждения, в размере не более 200 г табака или 400 папирос в месяц на 1 чел. [22].

Особым дефицитом стал керосин, использовавшийся для приготовления еды и освещения: его выдавали по талонам, которые также превращались в предмет купли-продажи ли обмена на вещи и продукты. Находясь в Томске, Е.В.Гутнова *“сменяла мамину белую шелковую шаль, ее единственную дорогую вещь, на большую канистру с керосином”*. Традиционной *“валютой”* в советском обществе еще до войны стал алкоголь, а во время войны его значимость в качестве *“платежного средства”* только возросла: *“стоила тогда одна бутылка пятьсот рублей, столько же, сколько кубометр дров”*. Е.В.Гутнова выменяла две бутылки водки, полученной в ежемесячном пайке от Комитета искусств, на *“два кубометра отменных березовых дров”*, которыми отапливали квартиру в холодное время [23].

В целом, нормированное снабжение сыграло немаловажную роль в обеспечении значительной части советского населения минимумом продуктов питания и товаров массового потребления. Тем не менее, оно не смогло обеспечить полностью потребностей населения. Огромное большинство населения испытало голод в годы войны, ставший одной из главных причин высокой смертности. Массовый характер приобрели туберкулез, цинга, дистрофия и другие заболевания, вызванные снижением иммунитета вследствие недостатка продуктов питания.

Систематическое недоедание характеризует положение представителей самых широких слоев населения - рабочих и крестьян, интеллигенцию и сотрудников правоохранительных органов. В докладной записке о состоянии органов милиции Краснодарского края за апрель 1943 г. заместитель начальника УНКВД полковник милиции А.Г.Сергеев отмечал, что, в городах Сочи и Туапсе создалось серьезное положение с продуктами питания, нормы выдачи хлеба сократились на 50%: *“Отдельные работники обессиливают, болеют. В результате чего отдельные работники высказывают недовольство”*. Одним из его проявлений стало стремление милиционеров уйти на фронт, поскольку нормы снабжения там были выше, чем в тылу. Так, командир отделения дивизиона службы г.Сочи кандидат в члены ВКП(б) Писанков заявил заместителю начальника по политчасти Буевскому: *“Почему нас не отпускают в Красную армию? Лучше нам умереть за Родину, чем здесь умереть с голоду”* [24]. Сергеев также указывал: *“Большое нарекание среди личного состава милиции края на необеспечение обмундированием и обувью. Милиция стала не похожа на милицию, кто в чем. Большая часть работников уже три года не получала обмундирование”* [25].

Только с конца 1943 г. началось постепенное снижение цен на колхозных рынках, а продовольственная ситуация несколько улучшилась. С 1944 г. начался подъем сельскохозяйственного производства, но и в 1945 г. его валовая продукция составила лишь 60%, а продукция земледелия - 57% от довоенного уровня [26]. С 15 апреля 1944 г. была открыта коммерческая торговля, но ее удельный вес в розничной торговле страны оставался невысок [27]. Окончательно карточная система была отменена уже после войны, в 1947 г. Трудности снабжения в условиях карточной системы остались одним из самых распространенных сюжетов воспоминаний о военном времени.

1. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. - М., 1947. - С.42.

2. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн. 1. Хроника событий 1941-1942 гг. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.29.

3. Там же. - С.53.

4. Козлов В.И. Великая Отечественная (Воспоминания и размышления) // Молодая гвардия. - 1997. - №7. - С.151.
5. Докладная записка на имя Н.А.Вознесенского // Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. - С.173.
6. Письмо наркома торговли СССР А.В.Любимова заместителю Председателя СНК СССР А.И.Микояну // Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. - С.178.
7. Орлов И.Б. Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941-1943 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28-29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону - Таганрог). - Ростов н/Д, 2010. - С.338.
8. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн.1. Хроника событий 1941-1942 гг. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.55.
9. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн.2. Ч.1. Хроника событий 1943 год. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.172.
10. Гутнова Е.В. Пережитое. - М., 2001. - С.210, 216, 229.
11. Записка начальника Жилищно-бытового отдела Главного управления трудовых резервов при СНК СССР Салтыкова заместителю наркома торговли СССР Скворцову // Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. - С.180.
12. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн.1. Хроника событий 1941-1942 гг. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.91.
13. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн.2. Ч.1. Хроника событий 1943 год. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.130.
14. Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. - М., 1993. - С.305-306.
15. Кислицын Н.Г. Ленинград не сдаётся. - М., 1995. - С.129-130.
16. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. - М., 2004. - С.679.
17. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. - М., 2010. - С.215-216.
18. Там же. - С.216-217.
19. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941-1945. - Вып.1. - М., 1994.
20. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн.2. Ч.1. Хроника событий 1943 год. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.214.
21. Докладная записка Л.П.Берия в ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945. - С.197-198.
22. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. - Кн.2. Ч.1. Хроника событий 1943 год. - 2-е изд. - Краснодар, 2005. - С.201-202.
23. Гутнова Е.В. Указ. соч. - С.216.
24. Там же. - С.214
25. Там же. - С.215.
26. Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия. - М., 1985. - С.645.
27. История социалистической экономики СССР. В 7 т. - Т.5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938-1945 гг. - М., 1978. - С.470-471.

Кринко Є.Ф. Карткова система і регламентація потреб радянських громадян у 1941-1945 рр.

Стаття присвячена картковій системі в СРСР у роки Великої Вітчизняної війни. Автор розглядає основні види карток і механізм централізованого постачання, оцінює обґрунтованість системи регламентованого споживання населення.

Krinko E.F. The rationing and regulation of consumption soviet citizens in 1941-1945

The article was devoted the rationing in the USSR during the Great Patriotic War. The author looked the main types of cards and a mechanism of centralized supply, assess the validity of system of regulated consumption.